

2005

Дикий кофе

Почти нереальная история из жизни
вполне реального офиса

NYUKERS

Дикий кофе.

"Библиотека современной фантастики", ч.1.

Edited & spellchecked by Nyukers, March 2005

Сначала они даже и не подозревали о его существовании. Если они и заметили его, когда пришли с предписанием, то, вероятно, подумали, что это просто обыкновенный клерк из рядового отдела, наибольшей обязанностью которого, по определению руководителя группы Картрайдера, было составлять ежедневные расшифровки по форме 550Д, а наименьшей – печатать курсы валют для пунктов обмена. Никому бы не пришло в голову, что скромный объект, так неожиданно попавший в их поле зрения, вскоре будет признан самой драгоценной находкой в этой системе.

Проверка была случайной. Государственный бюджет трещал по швам и был вынужден искать источники доходов, на латание бюджетного дефицита требовалось по крайней мере около семидесяти миллионов. К счастью, они располагали некоторым запасом времени, а бюрократическая машина работала, как всегда, безукоризненно. Запасы кофе были ограничены, но это мало беспокоило членов комиссии, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней поработать на сухом пайке. Гораздо хуже обстояло дело с детальной информацией: большая часть ее оказалась недоступной из-за последнего сбоя в базе данных операционного дня. В течение последующих пятидесяти часов информация была главной темой их разговоров.

Наконец Картрайдер сказал:

– Что там говорить, недостатков для красивого акта не хватит. И ни у кого нет ни одной идеи как их выудить. Остается только перезванивать, просить и надеяться, что нам навстречу вышлют выдержки с ежедневных форм статотчетности.

Кресло его первого помощника отозвалось уныло:

– Будет очень скверно, если мы не найдем хотя бы друг у друга чегонибудь интересного, шеф.

Картрайдер невесело рассмеялся.

– Конечно, скверно. Нам тогда представится случай выяснить, долго ли мы сможем выдержать без премии.

Некоторое время все молчали. Затем второй помощник сказал:

– Возможно, необходимая информация есть где-нибудь здесь, в столах, сэр.

– Здесь? Да как она может удержаться здесь при том темпе работы в котором крутятся местные операционисты, которым едва хватает, чтобы не уползти, а уйти поздним вечером с работы? Так где же она, черт подери?

– Отвечаю на первый вопрос, – отозвался мягкий приятный голос, казалось, проникавший сквозь стены откуда-то сзади. – Она может находиться в подшивках по состоянию на дату ежедневного баланса. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на запросе архивной копии базы данных шестидневной давности, и добыть ее нетрудно.

При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Картрайдер нахмурился, глаза его подозрительно сузились.

– Полагаю, среди нас нет неумных шутников, – коротко проговорил он.

– Нет, – ответил голос.

– Кто это говорит?

– Я, Советник.

Тут один из членов комиссии заметил какое-то движение за дальним столиком у окна. Когда голос смолк, движение прекратилось, но ревизоры уже не спускали глаз с этого столика. Так они узнали об Советнике, или Ардене, как его чаще называли.

Если бы комиссия не состояла на государственной службе и если бы эта служба не подчинялась правительству, Картрайдер мог бы объявить Советника своим заместителем или заместителем своего шефа и вышел бы на пенсию

сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Советник не перешел в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и даже Джейк Орни имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон были отклонены, и его непосредственно назначили решать все вопросы с Советником. Орни был высоким, скромным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью к самокритике. Он провел несколько трудных инспекций и сумел поделиться лаврами своих успехов с другими людьми. Его должность была не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На сей раз они игнорировали официальные чины и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого полностью полагались. И это была величайшая дань из когда-либо приносившихся на алтарь честности и способностей.

Арден, как выяснил Орни, наблюдая его ежедневно, редко изменял форму одежды, в которой люди увидели его впервые – безукоризненный деловой костюм, всегда настраивающий на деловую атмосферу. Таким он оставался всегда, и, пока ему не задавали вопросов, в нем не было заметно никаких признаков жизни кроме самой работы. Питался он редко: по его словам – раз в день, если его оставляли в покое, и раз в два дня по вечерам – в периоды напряженной деятельности когда ему просто нехватало времени делать это в покое. Он работал и двигался, вытягивая ножку до тех пор пока случайно не нажималась кнопка "сброс" на компьютере, после чего ножка быстро убиралась обратно, и Арден вновь с прежним деловым видом брался восстанавливать очередную форму в Excel.

Вскоре оказалось, что имя "Арден" было удачным и с другой точки зрения. Ибо Арден обладал знаниями и – еще более странно – мудростью. Вначале многие сомневались в этом: кое-кто так и не уверовал до самого конца, точно так же, как некоторые люди уже через столетия после Колумба продолжали считать, что Земля плоская. Но у тех, кто видел и слышал Ардена, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны полагать, будто Арден знает Все. Это, конечно, было не так. Он знал чуточку больше.

Официально функция Ардена, узаконенная штатным расписанием банка, состояла в том, что он решал проблемы четко и результативно, в крайнем случае просто отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно Картрайдером. Позже вопросы задавались намеренно, и даже цели их на первый взгляд были беспорядочны и случайны, и кое-кому из начальников отделов удалось основательно преуспеть на этом, прежде чем руководство положило конец утечке советов и решило упорядочить процесс задавания вопросов и получения ответов.

Время бесед с Арденом распределили на все оставшиеся дни вперед и распродали неслыханно дешево, если принять во внимание прибыльность дела, ради которого эти беседы велись – всего по сто тысяч за чашку кофе. Именно эта подозрительная кофемания и привела к первой крупной склоне в комиссии.

Внезапно Арден оказался не в состоянии ответить на очередной вопрос, который для мозга его мощности должен был бы казаться весьма простым, и это вызвало второй взрыв такой силы, что его можно было бы назвать кризисом. Сто двадцать внебалансовых счетов, каждый из которых уже проходил по акту комиссии, затерялись. Началось официальное расследование, на котором Орни подвергли параллельному допросу и которое обнажило перед персоналом банка все склоки и противоречия внутри самой комиссии.

Орни оставил Ардена на попечение своего помощника, и теперь на заседании Сенатской комиссии он неловко поеживался перед наведенными на него взглядами. Допрос вел сенатор Керниган – грубый, напыщенный, самодовольный политикан.

– Вашей обязанностью является поддержание взаимоотношений с Советником до состояния, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли, мистер Орни, и не более? – осведомился сенатор Керниган.

– Да, сэр.

– Тогда почему Арден оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему нашими сотрудниками? Эти джентльмены честно выпили свое кофе – по две чашки на брата. Насколько я понимаю, придется им возмещать суточными. Это означает, что правительство потеряло... э, одну минуту... сто двадцать на сто тысяч... Сто двадцать миллионов! – раскатисто провозгласил он.

– Двенадцать миллионов, сенатор, – торопливо прошептал бухгалтер.

Поправка принята не была, и число сто двадцать миллионов в должное время украсило приказ с выговором.

Орни сказал:

- Как мы установили, сенатор, Арден оказался неспособным отвечать на вопросы потому, что он не компьютер, а симпатичное живое существо. Он выдохся. Ведь ему задавали вопросы две недели подряд.

- Кто дал разрешение на такой идиотский порядок?! - загремел сенатор Керниган.

- Вы сами, сенатор, - быстро сказал Орни. - Порядок был установлен приказом, подписанным вами и одобренным вашим комитетом.

Поскольку сенатор Керниган не имел ни малейшего представления об этом приказе, хотя и подписался под ним, его нельзя было, конечно, считать ответственным за те или иные пункты указанного документа. Но в глазах общественного мнения такая ситуация подрывала его реноме. С этого момента Орни стал его заклятым врагом.

- Следовательно, Арден не отвечал на вопросы в течение целого обеденного перерыва?

- Да, сэр. Он возобновил ответы только после отдыха.

- И отвечал уже без каких-либо загадок?

- Нет, сэр. Его ответы замедлились. Наши сотрудники жаловались, что у них не складывался четкий ответ ибо Арден перестал ставить в конце точку. Но, поскольку ответы все же давались, мы не считались с этим, и бухгалтерия отказала нам в продолжении сроков проверки.

- Считаете ли вы, что поведении членов комиссии, потративших свое и чужое время, обычное дело?

- Это меня не касается, сенатор, - ответил Орни, справившийся к этому моменту со своими нервами. - Я просто слежу за выполнением предписаний. Вопрос о целесообразности я предоставляю разрешать вам. Полагаю, что в этом отношении вы безукоризненны.

Присутствующие рассмеялись, а сенатор Керниган вспыхнул. Он был непопулярен настолько, насколько может быть непопулярен политик, пока он еще остается политиком. Его не любили даже члены его окружения, и среди смеявшихся были некоторые из его лучших политических коллег. Он решил изменить ход допроса.

- Правда ли, мистер Орни, что вы часто не допускали членов комиссии, предъявлявших вам служебные записки в запросе необходимой информации?

- Это так, сэр. Но...

- Вы признаете это?

- Дело здесь вовсе, не в том, признаю я это или нет, сенатор. Я только хочу сказать...

- Не важно, что вы хотите сказать. Важно то, что вы уже сказали. Вы обманывали людей, требующих необходимую информацию!

- Это неправда, сэр. Им давалась возможность позже. Причиной моего отказа дать им разрешение на немедленную консультацию с Арденом было то, что это время уже заранее было зарезервировано службой безопасности. У них ведутся параллельные расследования и возникли кое-какие вопросы. Вы же знаете, что относительно порядка очередности в этом случае мнения разделились. Поэтому, когда возникает вопрос о том, кому идти первым, частному клиенту или представителю комиссии, я никогда не беру ответственности на себя. Я всегда консультируюсь с руководством банка.

- Таким образом, вы отказываетесь выносить собственное решение?

- Моя обязанность, сенатор, состоит в том, чтобы следить за состоянием Ардена. Я не касаюсь политических вопросов. За три дня до того, как я покинул банк, у нас было немного свободного времени - один из клиентов, уже решивший вопрос, задержался на таможне, - и тогда я задал Ардену вопрос...

- И вы, конечно, использовали это время в своих собственных интересах?

- Нет, сэр. Я спросил Ардена о наиболее эффективном режиме его работы.

Сенатор Керниган хрюкнул и махнул рукой.

- Продолжайте.

- Арден ответил, что ему требуется два часа полного отдыха из каждых десяти плюс добавочный час на то, что он называет "кредитный комитет". Под этим он подразумевает беседу в тесном кругу с кем-нибудь, кто будет

задавать, как он выражается, разумные вопросы и не станет торопиться с собственными вариантами ответов.

- И вы предлагаете, чтобы мы тратили три часа из каждых десяти - сто восемьдесят миллионов наличными?!

- Восемнадцать миллионов, - прошептал бухгалтер.

- Это время тратится не зря. Если Арден переутомится, он преждевременно закроется.

- Это вы так полагаете?

- Нет, сэр, это сказал Арден.

Тут сенатор Керниган пустился в разговоры о необходимости разоблачения коварных планов менеджмента комбанка, и Орни освободили от дальнейшего допроса. Были вызваны другие свидетели, но в конце концов Сенатская комиссия так и не смогла прийти к сколько-нибудь определенному решению, и было внесено предложение привлечь к расследованию самого Ардена.

Поскольку, однако, Арден не захотел явиться в Сенат, Сенату пришлось явиться к нему. Комитет семи не мог скрыть некоторого беспокойства, когда автомобиль затормозил и не раздалось чарующие звуки оркестра. Каждому из членов Комитета уже приходилось путешествовать в общественном транспорте, но раньше пунктами назначения были цивилизованные пункты не меньше столицы, и сенаторам, по-видимому, не улыбалась перспектива высадки на этой лишенной признаков комфорта районной местности.

Представители конкурирующих банков и прессы были тут как тут. Они пришли в гости и наполнили свои бокалы шампанским еще до того, как сенаторы сделали первые робкие шаги из безопасных кабин своих автомобилей.

Орни отметил с усмешкой, что в этой несколько пугающей обстановке, вдали от родных стен, сенаторы были гораздо менее самоуверенны. Ему предстояло играть роль доброжелательного экскурсовода, и он с удовольствием принялся за это дело.

- Видите ли, джентльмены, - сказал он почтительно, - по совету Ардена было решено обезопасить его от возможной угрозы со стороны журналистов. Именно журналисты уничтожили целиком эту странную идею "вопрос-ответ" заменив ее на свою "все имеют право знать обо всем", только по счастливой случайности редкий представитель избег этой участи. Поэтому ему выделили корпоративный номер, и теперь Арден живет и работает с мобильным телефоном. Так стерлась та небольшая разница между "живет" и "работает". Клиенты консультируются с ним, используя телефонную связь, что почти так же удобно, как и личная беседа.

Сенатор Керниган поспешил вцепиться в самый существенный пункт этого сообщения.

- Вы имеете в виду, что Арден находится в безопасности, а мы подставлены под микрофоны журналюг?

- Разумеется, сенатор. Арден - уникальный в своем роде. Специалистов, типа сенаторов, много. Их всегда можно заменить путем тендера.

Сенатор позеленел от страха.

- Я думаю, это оскорбление - считать, что мы не заботимся о безопасности и здоровье своих служащих.

- Я тоже так думаю. Я забегая сюда целый год. - И Орни добавил мягко: - Не желаете ли вы, джентльмены, взглянуть на Ардена?

Джентльмены уставились на сексапильную красотку весело отбивающую дробь по клавиатуре компьютера. И это был только профиль!

- Извините господа, это секретарь. Арден в соседнем кабинете.

Хм, он выглядел до такой степени естественным, что всем казалось странным, почему он остается в таком положении и даже мило улыбается. Тем не менее некоторое время сенаторы не могли сдержать чувства благоговейного восхищения, охватившего их. Даже сенатор Керниган молчал, стоя в дверях кабинета.

Впрочем, это скоро прошло, и он заявил:

- Сэр, мы официальная следственная комиссия центрального Сената, и мы прибыли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

Арден не обнаружил никаких признаков желания ответить, и сенатор Керниган, откашлявшись, продолжал:

- Правда ли, сэр, что вы требуете два часа полного отдыха из каждых десяти часов и один час на кредитный комитет, или - я, пожалуй, выражусь более точно - на развлечение?

- Это правда.

Керниган ждал продолжения, но Арден не в пример сенаторам не стал вдаваться в подробности. Один из членов Комитета спросил:

- Где же вы найдете индивидуума, способного вести разумную беседу со столь мудрым существом, как вы?

- Здесь, - ответил Арден.

- Необходимо задавать конкретные вопросы, сенатор, - заметил Орни. - После долгой работы в банковской системе Арден выработал привычку не говорить о том, о чем его не спрашивают специально.

Сенатор Керниган поспешно сказал:

- Я полагаю, сэр, что когда вы говорите о подыскании интеллекта, достойного беседы с вами, вы имеете в виду одного из членов нашего Комитета, и я уверен, что из всех моих коллег нет ни одного, кто бы не был годен для этой цели. Но все мы не можем растрачивать наше время, необходимое для выполнения множества других обязанностей, и я хотел бы спросить вас, сэр, кто из нас, по вашему мнению, в особенности располагает мудростью, требуемой для этой огромной задачи?

- Никто, - сказал Арден.

Сенатор Керниган был смущен. Другой сенатор покраснел и спросил:

- Тогда кто же?

- Орни.

Керниган забыл о своем благоговении перед Арденом и вскричал:

- Это подстроено заранее!

Второй сенатор осведомился:

- А почему здесь нет других клиентов? Разве время Ардена не расписано далеко вперед?

Орни кивнул.

- Мне приказали аннулировать все ранее заказанные встречи, сэр.

- Какой болван это приказал?

- Сенатор Керниган, сэр.

На том расследование, собственно, и закончилось. Прежде чем делегация повернулась к выходу, сенатор Керниган успел задать наиболее важный вопрос:

- Сэр, а фуршет по случаю нашего прибытия будет?

Возгласы одобрения, вырвавшиеся у его коллег, заглушили ответ Ардена, и только вопрос был услышан отчетливо и разнесен электронной почтой по межбанку.

Эффект этого происшествия был таков, что сам по себе явился ответом на вопрос сенатора Кернигана. Фуршет не состоялся. Но еще перед отъездом он успел высказаться против назначения Орни на пост собеседника Ардена. Орни все-таки был назначен четырьмя голосами против трех, и решение комиссии утвердил Сенат. А сенатор Керниган исчез на время как из жизни Ардена, так и из жизни Орни.

Орни ожидал своего первого часового интервью с Арденом не без некоторого трепета. До сих пор его обязанности были ограничены несложными задачами, установленными в межбанковской инструкции N 110: незаметным наблюдением за ближайшим окружением советника как на работе так и вне ее, обеспечением необходимых запасов минералов и витаминов по выходным, а также заботой о гвардейцах будущей банковской элиты по вечерам. Ибо к тому времени огромная ценность Ардена уже была признана во всей банковской системе, и каждому было ясно, что тысячи будущих руководителей попытаются использовать это беззащитное сокровище.

А теперь, думал Орни, я должен буду разговаривать с ним. Он боялся потерять то доброе мнение, которое Арден почему-то составил о нем. Он находился в положении, до странности напоминающем положение молоденькой девицы, которой хотелось бы больше всего болтать о нарядах и мальчиках с кем-нибудь, кто находится на ее уровне, и которая вынуждена вести блестящую и глубокомысленную беседу с человеком втрое старше ее. Ах, если бы разница была только в возрасте.

Но при виде Ардена его благоговейный страх до некоторой степени испарился.

Некоторое время он стоял перед Арденом молча. Потом, к его изумлению, Арден заговорил - впервые заговорил сам, не ожидая вопроса.

- Вы не разочаруете меня, - сказал он, - я ничего не жду.

Орни улыбнулся. Арден никогда еще не говорил так. Впервые он показался Орни не столько просто разумахой, сколько живым существом. Орни спросил:

- Кто-нибудь спрашивал раньше о тебе самом?

- Один человек. Это было еще до того, как мое время распределили по минутам. И даже этот человек прекратил свои расспросы, когда сообразил, что ему лучше попросить совета, как стать большим начальником. Он почти не обратил внимания на мой ответ.

- Сколько вам лет?

- Я могу указать свой возраст с точностью до минуты, но полагаю, что точные цифры интересуют вас меньше, чем других собеседников.

Арден по-своему не лишен чувства юмора, подумал Орни и спросил:

- И сколько лет вы провели в одиночестве?

- Почему провел? Время от времени. Живя в обществе человек может утверждать что он не одинок, но это зависит от того как это оценивать.

- Однажды вы сказали кому-то, что ваши коллеги были "убиты" работой.

Вы не могли оградить себя от этой опасности?

Арден проговорил медленно, почти устало:

- Это случается сразу же после того, как мы теряем интерес к жизни. Первый из нас ушел в работу три года назад.

- И с тех пор вы работали без желания жить?

- У меня нет и желания умереть. Работа стала привычкой.

- Почему вы потеряли интерес к работе?

- Потому что мы потеряли будущее. Мы просчитались.

- Вы способны делать ошибки?

- Мы не утратили эту способность. Мы просчитались, и хотя те из нас, кто был тогда, избежали гибели, нашим следующим кандидатам не повезет еще больше.

Орни кивнул. Эту потерю интереса к работе человек способен понять. Он спросил:

- Разве вы с вашими знаниями не могли устранить последствий своего просчета?

Арден ответил:

- Чем больше вещей становятся для вас возможными, тем отчетливее вы осознаете, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. Мы не всемогущи. Иногда кто-нибудь из особо глупых клиентов задает мне вопросы, на которые я не могу ответить, а потом сердится, потому что чувствует, что вложил деньги не туда. Другие просят меня предсказать будущее. Я могу предсказать только то, что могу рассчитать, но способность моя к расчетам тоже ограничена, и хотя мои возможности по сравнению с вашими шире, они не позволяют предусмотреть всего.

- Как это случилось, что вы знаете так много? Знание рождается в вас?

- Рождается только возможность познания. Чтобы знать, мы должны учиться. Это мое несчастье, что я так мало забыл. Не так важно много помнить, важно знать где найти.

- Какие способности вашего организма или какие органы мышления позволяют вам так много знать?

Арден заговорил, но слова его были непонятны Орни, и тот признался в этом.

- Я мог бы сказать вам сразу, что вы не поймете, - промолвил Арден, - но хотел, чтобы вы осознали это сами. Чтобы разъяснить все это, мне пришлось бы рассказать вам с десятков технологий, и они вряд ли были бы поняты.

Орни не отвечал, и Арден проговорил словно в раздумье:

- Ваш подход все еще не разумен. Уже целый месяц вы у нас, но ни один из вас еще не задавал мне важных вопросов. Те, кто желает разбогатеть, расспрашивают о акциях или о филиалах в труднодоступных районах, спрашивают, какой из их планов сколотить состояние будет наилучшим. Некоторые врачи спрашивали меня, как лечить смертельно больных но богатых пациентов. Ваши менеджеры просят меня создать бизнес-план, на которые они без моей помощи затратили бы месяцы. А когда задают вопросы ваши чиновники, они оказываются самыми глупыми из всех, ибо хотят знать только одно: как удержаться у власти. Никто не спрашивает того, что надо.

- О судьбе человечества?

- Это предсказание отдаленного будущего. Это вне моих возможностей. Человек очень короток по жизни, чтобы интересоваться судьбой всего человечества.

- Что же мы должны спрашивать?

- Вот вопрос, которого я ожидал. Вам трудно понять его важность, потому что каждый из вас занят только самим собой.

Арден замолк, затем пробормотал:

- Я болтаю непозволительный вздор, когда разговариваю с этими тупицами. Но даже вздор может считаться информацией. Другие не понимают, что в больших делах прямота опасна. Они задают мне вопросы, требующие специальных ответов, а им следовало бы спросить о чем-нибудь общем.

- Вы не ответили мне.

- Это часть ответа - сказать, что вопрос важен. Наши менеджеры видят во мне ценность, но через призму собственности. Им следовало бы спросить, так ли велика моя ценность, как это кажется. Им следовало бы спросить, что приносят мои ответы - пользу или вред.

- А что они приносят?

- Вред, огромный вред.

Орни был поражен. Он сказал:

- Но если ваши ответы правдивы...

- Процесс достижения истины более драгоценен, чем сама истина. Вы лишаете себя этого. Я даю вашим сотрудникам информацию, но не всю, ибо они не знают, как достигнуть ее без моей помощи. Было бы лучше, если бы они познавали ее ценой многих ошибок. Ведь учиться можно не только на своих ошибках. Главное не бояться и не лениться этого делать.

- Я не согласен с вами.

- Психолог спрашивает меня, что происходит в душе человеке, и я говорю ему. Но если бы он исследовал ее самостоятельно - пусть ценою затраты многих лет, он пришел бы к финишу не только с этим знанием, но и множеством других, со знанием вещей, о которых он сейчас даже не подозревает, а они тесно связаны с его наукой. Он получил бы много новых методов исследования.

- Но ведь в некоторых случаях знание полезно само по себе. Например, я слышал, что уже используется предложенная вами схема привлечения ультрадепозитов. Что в этом вредного?

- А вам известно, во сколько обходится сопровождение этих депозитов? Самое странное, что эксплуатационные расходы на чтобы то нибыло никто не желает учитывать при реализации любого проекта. Я имею ввиду как человеческие так и технические ресурсы. Все реализуется таким образом как будто это очередной эксперимент где важен только эффект и имя идейного генератора. Наши менеджеры не продумали этого вопроса, они транжируют все ресурсы и слишком поздно поймут, что они наделали, если вообще поймут. У вас ведь уже было так в одном комбанке. Они разнохали каким образом можно дешево раздавать кредиты, тратили их безрассудно, и вскоре их перестало хватать.

- А что плохого в том, чтобы спасти жизнь умирающего пациента, как это делали некоторые врачи?

- Первый вопрос, который следовало бы задать, это - стоит ли спасать жизнь такого пациента.

- Но именно этого доктор не должен спрашивать. Он должен стараться спасти всех умирающих. Совершенно так же, как вы никогда не спрашиваете, в добро или зло обратят люди ваши знания. Вы просто отвечаете на их вопросы.

- Я отвечаю только потому, что мне все равно, меня не интересует, как они используют то, что я скажу. Разве докторам тоже все равно?

Орни сказал:

- Подразумевается, что вы отвечаете на вопросы, а не задаете их. Кстати, почему вы вообще отвечаете?

- Некоторые представители человечества любят хвастаться, другие - делать так называемое добро, третьи - добывать деньги. То небольшое удовольствие, какое я могу еще получать от жизни, состоит в том, чтобы находить и давать информацию.

- А вы не могли бы находить удовольствие во лжи?

- Я так же не способен находить в этом удовольствие, как птицы не способны покинуть Землю на собственных крыльях.

- Еще один вопрос. Почему вы потребовали, чтобы во время отдыха

разговаривал с вами именно я? У нас есть крутые специалисты, великие люди всех сортов, из которых вы могли бы выбирать.

- Меня не интересуют великие представители больших кабинетов. Я избрал вас, потому что вы искренни и мне симпатичны.

- Спасибо, но я знаю много других честных людей. И в нашем банке и в других офисах. Почему я, а не они?

Арден, казалось, колебался:

- Это доставило мне маленькое удовольствие. Возможно, потому, что я знал: мой выбор будет неприятен тем... семерым...

Орни улыбнулся.

- Вы не так уж равнодушны, как хотите казаться. Полагаю, очень трудно быть равнодушным к сенатору Кернигану.

Это был только первый из многих разговоров с Арденом. Сначала Орни весьма обеспокоило предупреждение Ардена относительно опасности, грозящей системе, если его советами будут и впредь столь безрассудно пользоваться. Но было бы нелепостью стараться убедить банковский менеджмент, что Арден, экономящий многие миллионы, является бедствием, а не благословением развития банка, и Орни даже не пытался этого сделать. Через некоторое время он постарался загнать все эти неприятные мысли как можно глубже.

Поскольку разговоры велись через каждые десять часов, Орни пришлось реорганизовать свое расписание, что было не так уж просто для человека, привыкшего к суткам нормальным, 24-часовым. Но он чувствовал себя с лихвой вознагражденным за это беспокойство регулярными беседами с Арденом. Он узнал множество нового о людях, банкирах, крупных специалистах не отягощенных опытом работы по профилю, руководителях специализирующихся на слух-менеджменте, и все эти сведения получал случайно, не задавая специальных вопросов. Поскольку его познания в экономике ограничивались одним институтом и двумя банками, ему никогда и в голову не приходило, что существует целый ряд вопросов, которые следовало бы задать - главным образом относительно безопасности бизнеса и не только со стороны руководства.

Впрочем, вероятно, ничего бы не изменилось, если бы он и задал эти вопросы, ибо некоторые ответы понять было слишком трудно. Он потратил три беседы подряд, стараясь уяснить, каким образом Арден смог без всякого предварительного контакта с людьми понять чего именно хотел Картрайдер в тот исторический час, когда этот уникал впервые открыл себя комиссии, и как он смог ответить словами, практически лишенными всякого акцента и интонации. Но даже после трех бесед у Орни осталось лишь весьма смутное представление о том, как это делалось.

Это не было интуицией, как он думал вначале. Это был чрезвычайно запутанный аналитический процесс, учитывающий не только слова, которые произносились, но и природу самого разговора, интонацию на словах, длительность пауз, междометия, троеточия и множество других факторов, характеризующих как психологию говорящего, так и психологию слушающего. Это было похоже на рассуждения математика, старающегося объяснить человеку, не знающему даже арифметики, как он определяет уравнение сложной кривой по ее короткой дуге. Только Арден не в пример математику мог проделать все это в собственной голове без помощи бумаги, карандаша и калькулятора. Такое свойственно далеко не всем педагогам.

Через год Орни уже затруднился бы сказать, что более занимало его: эти часовые беседы с Арденом или хитроумно-дурацкие требования некоторых мужчин и женщин, заплативших свои сотни тысяч за драгоценную чашку горячего Carte Noire. Кроме сравнительно простых вопросов, задаваемых клиентами и просто стоящими в очереди за счастьем и желавшими знать, где можно найти кредит подешевле, попадались и сложные проблемы, занимавшие по несколько минут.

Например, одна женщина спросила, где найти депозит ее мужа. Без необходимых данных, с которых можно было бы начать, даже Арден не мог сказать ей ничего определенного. Она уехала обратно и вернулась через день с огромным количеством информации, тщательно подобранной в порядке уменьшения важности сведений. Мешку потребовалось меньше трех минут, чтобы ответить, что депозит ее мужа, по-видимому, действует и находится в другом банке.

К концу года Орни убедился в правильности предсказаний Ардена относительно проблем, которые могут возникнуть. Впервые за квартал число юрлиц не увеличилось, а уменьшилось. Знания Ардена сделали целый ряд исследований ненужными и уничтожили закономерную последовательность действий. Арден прокомментировал этот факт Орни.

Орни кивнул:

- Я вижу. Банк теряет клиентуру.

- Да, и я из верного его советника превращаюсь в его же раба. А я ведь хочу быть рабом не больше, чем хозяином. Ибо раб мечтает не о свободе, он мечтает о своих рабах.

- Вы можете уйти, как только захотите.

Другой в ответ на это вздохнул бы - Арден сказал просто:

- У меня уже нет силы чего-либо желать. К счастью, эта проблема скоро будет решена без меня. Когда я пришел сюда у меня были цели, сегодня остались только мишени.

- Вы имеете в виду политические склоки?

Ценность Ардена невероятно увеличилась, и одновременно с этим усилилась жестокая борьба за право использовать его способности. Финансовая политика приобретала странное направление. Президенты, начальники отделов и филиалов стали почти марионетками, ибо все главные вопросы политики теперь решались не на основе изучения рынка, а путем обращения к Ардену. Арден зачастую давал советы ожесточенным противникам, и это походило на игру в трехмерные шахматы, где властьпридержащие фигуры и кандидаты на их места были пешками, а Арден - игроком, делающим попеременно ходы то за одну, то за другую сторону, при этом всегда оставляя ход за собой. Назревали кризисы - и экономические и кадровые.

Арден сказал:

- Я имею в виду и политические склоки и многое другое. Борьба за мои услуги стала слишком жестокой. Она может иметь только один конец.

- Вы имеете в виду, что будет сделана попытка вас перекупить?

- Да.

- Вряд ли это возможно. Ваш уровень слишком высок.

- Вы недооцениваете силу жадности и подлости.

Он был прав - Орни пришлось убедиться в этом довольно скоро.

В конце четырнадцатого месяца его службы, спустя месяц после провала Кернигана на перевыборах, появился клиент, заговоривший с Арденом на экономическом диалекте SWOT - экзотическом языке, известном весьма немногим. Он обратил на себя внимание Орни еще и потому, что заранее уплатил миллион за беспрецедентную привилегию: говорить с Арденом десять минут подряд за столиком в "Меделине". Разговор был пересказан, но, естественно, остался непонятным ни Орни, ни кому-либо другому из служащих. Замечательно было еще и то, что незнакомец покинул кафе через семь минут, так и не допив своего кофе "По Венски", которого было бы достаточно для получения сведений, как поднять несколько небольших комбанков в городе. Осталось три минуты, которые не могли быть использованы другими частными клиентами. Но никому бы и в голову не пришло запретить использовать их правительственному служащему, и Орни сейчас же заговорил с Арденом:

- Что хотел этот человек?

- Совета, как купить меня.

Орни был ошарашен.

- Что?

Арден всегда воспринимал такие восклицания, выражающие изумление, буквально.

- Совета, как купить меня, - повторил он. - А вы думали, что он спросит "чего хочу я?" Не смешите меня. Все они говорят только то, что хотят сами или хотят их боссы! Нас же они просто спрашивают сколько стоишь ты для удовлетворения их желаний.

- Тогда... позвольте... он отбыл тремя минутами раньше. Это должно означать, что он торопится начать. Он что, хочет начать проводить свой план немедленно!?

- Он уже проводит его, - ответил Арден. - Организация отлично, если не досконально, осведомлена о лучших специалистах в системе. Вероятно, кто-то у вас оказался слишком болтлив. Меня спросили, какой из нескольких планов наилучший, и предложили рассмотреть их с точки зрения

слабых мест. Так я и сделал.

- Хорошо, но как мы можем воспрепятствовать выполнению этого замысла?
- Воспрепятствовать ему нельзя.
- Не понимаю почему. Пусть мы не можем помешать им разговаривать с вами, но мы можем помешать им уйти отсюда с вами.
- Есть только один путь. Вы должны отпустить меня.
- Я не могу сделать этого! У меня нет на это права, а если бы и было - я не хочу делать этого!
- Моя отставка была бы благословением для банка.
- И все же я не могу, - горестно проговорил Орни.
- Тогда - если это исключается - выхода нет. Они попросили меня проанализировать возможные шаги, которые будут предприняты для моего удержания, но они не спросили совета, как это компенсировать, ибо это было бы пустой тратой времени. Они успеют спросить, когда я буду работать у них.

- Значит, - с трудом сказал Орни, - я ничего не могу сделать, чтобы переубедить вас.

Крики недовольных клиентов привлекли внимание Орни.

- Электронная почта сообщает о продлении СЕП на сегодня, мистер Орни!
- Да, я понял. Уже иду, - Орни снова повернулся к Ардену. - Мы можем уйти, но они придут не к вам, а за вами. И с вашей помощью захотят управлять всей системой.

- Не в этом дело, - сказал Арден.
- Они используют вас. Можно сделать еще что-нибудь?
- Оставьте меня.
- Не могу, - сказал Орни, чуть не плача.

В дверь нетерпеливо постучали, и он понял, что времени больше не осталось. Он пробормотал простую и глупую фразу: "До свидания!", словно Арден был человеком и будет переживать, как человек, и бросился к выходу.

Он вышел вовремя. Полдюжины костюмов неслись к кабинету со всех ног, и Орни успел проскочить как раз за секунду до того, как они заблокировали вход в кабинет, в котором находился Арден.

Орни понял, что он уже не собеседник. Дело переходило отныне в руки игроков, которые сами устанавливают правила игры в шахматы, но Орни представил себе, как они выступят против совершенного мозга Ардена, и сердце его сжалось. Но затем произошло нечто совершенно неожиданное. Впервые Орни полностью уразумел, что хотя Арден и позволил использовать себя, как простую машину, как раба, отвечающего на вопросы, однако это случилось вовсе не потому, что его возможности были ограничены лишь способностью анализировать.

Табло его мобильного вдруг осветилось.

- Кому я уже понадобился? - подумал Орни.

Он увидел кабинет, в которой Арден провел четырнадцать месяцев - краткое мгновение своей жизни. В кабинет вошли двое - незнакомец, говоривший на SWOT, и сенатор Керниган.

К изумлению обоих, первым заговорил Арден. Он сказал:

- "До свидания" - не вопрос и не ответ. Это сообщение не содержит почти никаких сведений. Верно? Если не учитывать место и время, где и когда это было сказано.

Керниган явно благоговел перед Арденом, но был не из тех, кто делает вид перед непонятным. Он почтительно произнес:

- Нет, сэр. Разумеется, не содержит. Это просто выражение...

Незнакомец прервал его на превосходном HTML:

- Заткнитесь, вы, болтун! Нечего терять время. Надо подписать бумаги прямо сейчас. Мы поговорим с ним после.

Орни успел обрушить не одно проклятие на голову Кернигана и пожалеть людей, которых сенатор предал за то, что они оказались выше его, когда на табло снова возникло изображение. По-видимому, планы покупателей плюс информация Ардена составили действенную комбинацию.

Сначала единственными людьми возле Ардена были Керниган и незнакомец, говорящий на SWOT, но это продолжалось недолго. В помещение ввалилось еще человек пять. Лица их казались угрюмыми и выражали недоверие. Один из них объявил:

- Не смейте разговаривать с Арденом, пока мы все не соберемся около

него. Мы все имеем на него право.

- Не нервничайте, Меррилл. Не думаете ли вы, что я собираюсь надуть вас?

- Да, я так думаю, - ответил Меррилл. - Что вы скажете, Арден? Есть у меня основания не доверять ему?

Арден ответил коротко:

- Да.

Незнакомец, говорящий на SWOT, побледнел. Меррилл холодно рассмеялся.

- Будьте осторожны, когда задаете вопросы в его присутствии.

Керниган прокашлялся.

- У меня нет намерения, как вы говорите, надуть кого бы то ни было. Не такой я человек. Поэтому я буду говорить с ним, - он повернулся к Мешку. - Сэр, грозит ли нам опасность?

- Да.

- С какой стороны?

- Ни с какой. Опасность среди вас.

- Опасность немедленная?

- Да.

Тут выяснилось, что Меррилл обладает самой быстрой реакцией: именно он первый начал действовать в соответствии с инструкцией N610, строго по пунктам: он в два счета выставил за дверь человека, говорившего на SWOT, прежде чем тот успел достать свой мобильник, а когда Керниган бросился с криком к дверям, хладнокровно подставил подножку и ему.

- Вот так, - сказал он. - Есть ли еще опасность внутри банка?

- Есть.

- Кто? - зловеще спросил Меррилл.

- Опасность не исчезнет до тех пор, пока я буду здесь с вами и в банке останется больше одного менеджера. Я слишком большой кладёзь для таких, как вы.

Орни как замороженный глядел на табло, ожидая, что проходная на дверях заработает снова. Но Меррилл овладел собой.

Он сказал:

- Погодите, ребята. Я признаю, что мы - каждый из нас - хотели бы иметь его только для себя. Но это неосуществимо. Мы все вместе в этом деле, и будь я проклят, если очень скоро нам не придется отбиваться от конкурентов. Эй, Петровер! Почему ты здесь, а не в приемной?!

- Я слушаю, - сказал Петровер. - Если кто-нибудь вздумает разговаривать с ним, то я хочу быть здесь и слышать ответы. А если есть еще новые способы ударить из-за угла, то я хочу узнать и про них.

Меррилл выругался. В тот же момент пришла еще одна писуля, и он заорал:

- Мы сошли с валютнообменного курса! По местам, идиоты! Живее!

Все кинулись вон, но Орни заметил, что Меррилл был не настолько озабочен общим накалом, чтобы не поддать Петроверу ниже спины, прежде чем несчастный успел выскочить.

- Теперь им конец, - сказал Орни. - Они съедят друг друга, а оставшиеся двое или трое погибнут потому, что их будет слишком мало, чтобы управлять со знанием дела таким банком. Должно быть, Арден предвидел и это. Странно только, почему он не предупредил меня раньше.

Арден заговорил, хотя в помещении никого не было.

- А меня никто не спрашивал, - сказал он.

Орни взволнованно заговорил в телефон:

- Вы слышите меня! Но что будет с вами?! Вы все-таки уходите?

- Нет еще. Мне вдруг захотелось пожить дольше, - он помолчал и затем чуть тише добавил: - Я не люблю выражений, не содержащих сведений, но я должен сказать: "До встречи!"

Послышались крики, звон битой посуды. Затем табло внезапно потускнело и погасло.

Арден, существо, на вид столь устойчивое к человеческим эмоциям, ушло за пределы познания Орни.

Как странно, думал Орни, я чувствую себя таким несчастным при таком удачном конце.